

С. А. ФОМИЧЕВ

◆
**«Загадочное» стихотворение Пушкина
«Олегов щит»**

Репутация «загадочных» до сих пор закреплена за многими произведениями Пушкина. Опыт показывает, что это, как правило, связано с отсутствием всестороннего комментария к этим произведениям, проясняющего их реалии, связь с предшествующими пушкинскими замыслами и с общественно-литературным контекстом, а порою также объясняется недостаточным осмыслением динамики творческого метода писателя.

Характерным примером такого положения может служить стихотворение «Олегов щит». В современном комментарии к нему отмечается следующее: «Вызвано Андрианопольским миром, завершившим русско-турецкую войну 1828—1829 гг. Во время этой войны русские войска, перейдя в июле 1829 г Балканы, 8 августа взяли Андрианополь (в 240 км к северо-западу от Константинополя), где 2 сентября 1829 г. был заключен мир. Первая строфа посвящена походу киевского князя Олега (*воинственный варяг*) на Византию (907 г.). *Ты пригвоздил свой щит булатный//На царьградских воротах.* — стихи эти восходят к летописи: «повесил щит свой на вратах в знак победы и ушел из Царьграда». Смысл второй строфы, а потому всего стихотворения — неясен Многочисленные толкования его, существующие в литературе, — неубедительны»¹.

Дело, однако, не в «многочисленных толкованиях», а в неудовлетворительности наиболее распространенного

¹ Пушкин А. С. Собр. соч. В 10-ти т. М., 1974, т. 2, с. 579—580 (Комментарий Т. Г. Цявловской).

из них, восходящего еще к Н. И. Черняеву² и кратко сформулированного Ю. Н. Тыняновым так: «Сразу же после заключения мира Пушкин пишет «Олегов щит», стихотворение, в котором упрек Дибичу за нерешительность действий вырастает в сатиру классического не-проницаемого стиля»³.

Очевидно, само название стихотворения, «Олегов щит», не может не вызывать в памяти полемического замечания Пушкина по поводу думы Рылеева «Олег Вещий», впервые напечатанной в журнале «Новости литературы» (1822, № 11), — незадолго до этого была окончена пушкинская «Песнь о вещем Олеге» (беловой автограф датирован 1 марта 1822 г.).

Впрочем, тема вещего Олега и раньше привлекала внимание Пушкина. Вспоминая свои первые шаги на писательском поприще, «автор» горюхинской истории, Иван Петрович Белкин, писал: «Несмотря на все возражения моего рассудка, дерзкая мысль сделаться писателем поминутно приходила мне в голову <...> Все роды поэзии (ибо о смиренной прозе я еще не помышлял) были мною разобраны, оценены, и я непременно решился на эпическую поэму, почерпнутую из отечественной истории. Не долго искал я себе героя. Я выбрал Рюрика — и принялся за работу <...>, поэма моя подвигалась медленно, и я бросил ее на третьем стихе. Я думал, что эпический род не мой род, и начал трагедию «Рюрик». Трагедия не пошла. Я попробовал обратить ее в балладу — но и баллада как-то мне не давалась. Наконец вдохновение озарило меня, я начал и благополучно окончил надпись к портрету Рюрика» (VIII, 131).

Автопародийный, пушкинский, характер этой исповеди не вызывает сомнения. Конечно, реальные события здесь, как и в любой пародии, смещены и утрированы во имя комической остроты пассажа.

В лицейском дневнике Пушкина сохранилась запись от 10 декабря 1815 года: «Начал я комедию — не знаю, кончу ли ее. Третьего дни хотел я начать ироическую поэму «Игорь и Ольга», а написал эпиграмму на Шахов-

² См.: Черняев Н. И. Критические статьи и заметки о Пушкине. Харьков, 1900, с. 339—364. Отдельные ошибки Черняева отмечены в кн.: Библиотека великих писателей (Под ред. С. А. Венгерова Пушкин. Т. 5, СПб., 1911, с. XXXIV—XXXV.

³ Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1968, с. 195—196.

ского, Шихматова и Шишкова» (XII, 298). Сюжет поэмы был вдохновлен, несомненно, «Историей государства Российского», первый том которой вышел в том же 1815 году. Спустя шесть лет, уже на юге, Пушкин вновь обратился к событиям легендарной русской эпохи в трагедии о Вадиме — замысел этот годом позже принял поэмную форму; впрочем, и поэма о противоборстве Вадима с Рюриком не была окончена. В то же время он обдумывал и произведение, посвященное князю Олегу, также в процессе работы претерпевшее жанровую модификацию.

В конце июля 1821 года Пушкин набрасывает в рабочей тетради план: «Олег — в Византию — Игорь и Ольга — поход»⁴. Портрет Олега изображен чуть выше и отчасти перекрывает начало какого-то письма на французском языке (русский перевод: «Ваше письмо пришло весьма кстати, я нуждался в нем») и план произведения о разбойниках («1. Разбойники, история двух братьев» и пр. — см.: IV, 373), в левом нижнем углу листа нарисована во весь рост Ольга — и далее вправо помещены портреты Лувеля, Занда, Марата; в центре листа Пушкин рисует портрет Александра Ипсиланти, возглавившего в 1821 году движение греческих повстанцев против турецкого ига, Этерию⁵.

Черновик сохранил след первоначальных «декабристских» замыслов Пушкина, воплощенных позже в стихотворении «Кинжал», в поэме «Братья разбойники», в балладе «Песнь о вещем Олеге». Непосредственным толчком последнего замысла послужило, очевидно, сопоставление событий современности (Этерия) с легендарными походами Олега и Игоря на Царьград. Что же касается произведения о разбойниках, то вначале (на л. 50) Пушкин начинает его разработку не в жанре поэмы, а в жанре баллады, используя обычный балладный размер, четырехстопный амфибрахий, освоенный им ранее в стихотворениях «Сраженный рыцарь» (1815) и «Черная шаль» (1820):

Нас было два брата — мы вместе росли
И жалкую младость в нужде провели,

⁴ ПД, ф 244, оп 1, № 431, л 46 На предыдущей странице помечено: «18 июля 1821 г. известие о смерти Наполеона», на следующей — дата «26 июля».

⁵ Рукопись воспроизведена в венгерском издании (т 2, СПб, 1908, с. 159) См. также: Рукою Пушкина М; Л, 1935, с. 397.

U831

Л

Но алчная страсть [овладела] душой
И вместе мы вышли на первый разбой...
(IV, 373)

Вероятно, обратную эволюцию — от поэмы к балладе — претерпел замысел об Олеге. В этом случае отказ от героической поэмы мог быть связан с разочарованием Пушкина в Александре Ипсиланти, показавшем свою полную неспособность стать вождем Этерии⁶, и шире — с осмыслением неутешительных итогов европейского освободительного движения начала 1820-х годов, с кризисом просветительских идеалов.

Впоследствии Пушкин признавался: «Видимо, мифологические предания счастливее для меня воспоминаний исторических» (IV, 404). В полной мере этот принцип романтического художественного метода воплотился в «Песни о вещем Олеге», сюжетной основой которой стало именно предание, оцененное Карамзиным как исторически недостоверное: «Уважение к памяти великих мужей и любопытство знать все, что до них касается, благоприятствуют таким вымыслам и сообщают их отдаленным потомкам. Можем верить и не верить, что Олег в самом деле был ужален змеею на могиле любимого коня его; но мнимое пророчество волхвов, или кудесников, есть явная народная басня, достойная замечания по своей древности»⁷.

Однако, ценя в предании отражение народных нравов и верований, Пушкин в то же время чрезвычайно дорожил точностью исторических деталей. В этом отношении характерен упрек, адресованный им Рылееву как автору думы «Олег Вещий»: «Ты напрасно не поправил в «Олеге» герба России. Древний герб, с <вятой> Георгий, не мог находиться на щите язычника Олега; новейший двуглавый орел есть герб византийский и принят у нас во время Иоанна III, не прежде. Летописец просто говорит: «Тоже повеси щит свой на вратах на показание победы» (XIII, 176)⁸.

⁶ Зимой 1821—1822 гг. Пушкин намечал работу над поэмой, прямо посвященной трагической судьбе восстания греческих патриотов. См.: Измайлов Н. В. Поэма Пушкина о гетеристах.

⁷ Карамзин Н. М. История государства Российского. Изд-е 2. СПб., 1818. Т. 1, с. 142.

⁸ Та же мысль была повторена Пушкиным еще дважды: в примечании к «Песни о вещем Олеге» и в письме к брату в начале 1823 г. (см.: II, 741; XIII, 54).

Прижизненная (в том числе и декабристская) критика сдержанно оценила «Песнь о вещем Олеге», осуждая в ней отход Пушкина от воспевания героики прошлого⁹. Между тем свободолобивый пафос пушкинской баллады несомненен, хотя и заключается он не в описании подвигов легендарного князя, а в прославлении «правдивого и свободного вещего языка» поэзии, не подвластного земным властителям.

В какой-то мере поэтическая мысль «Песни о вещем Олеге» отразилась и в стихотворении «Олегов щит», написанном семь с половиной лет спустя.

В стихотворении этом действительно чувствуется какая-то двусмысленность. С одной стороны, сопоставление русско-турецкой кампании с победоносным походом на Византию Олега Вещего дается в тонах патетических; с другой — финал стихотворения довольно неожиданный: тень Олега ревнует к славе дальних потомков и как бы восстает против их столь же полной, как в его время, победы над врагом.

Думается, что смысл стихотворения будет несколько прояснен, если мы обратим внимание на разительное совпадение в датах заключения Андрианопольского мира и договора славян с греками, явившегося следствием похода Олега на Царьград. В «Повести временных лет», где приводится полный текст договора, указана и точная его дата (между прочим, первая во всей летописи): «Месяца сентября 2, индикта 15, в лето создания мира 6420 <911 г>»¹⁰.

Пушкин, всегда чрезвычайно внимательно относив-

⁹ См. в переписке Пушкина начала 1825 г. (XIII, 139, 141).

¹⁰ Повесть временных лет. Ч. 1. М.; Л., 1950, с. 29. Таким образом, можно несколько уточнить время создания стихотворения: не раньше 20 сентября 1829 г. (известие об Андрианопольском мире могло быть получено Пушкиным только по возвращении его в Москву с Кавказа). Отметим также одну редакторскую ошибку, повторяющуюся в современных пушкинских изданиях: «Тогда во славу Руси ратной||Строптиву греку в стыд и страх». Слово «русь» в данном случае следует писать со строчной буквы как означающее не государство, а народность. Ср: «Ина многа зла творяху русь грекам елико же ратнии творять» (Повесть временных лет, с. 24). В рукописи Пушкина (ПД, ф. 244, оп. 1, № 841) слова «Русь» и «Грекам» написаны в соответствии с правилами правописания того времени; так же при первых прижизненных публикациях стихотворения.

шийся к «сближениям» дат¹¹, не мог пройти мимо указанного совпадения, и именно оно подчеркивает параллелизм двух стихотворных строф. При этом упоминание о надгробном холме Олега (в черновике: «твой гроб раскрылся с бранным гулом» — III, 740) тем более уместно в намеченном историческом контексте, что согласно летописи чудесная смерть Олега наступила осенью того же 911 года.

Однако неожиданное сближение дат позволяет Пушкину почувствовать парадоксальное несходство двух исторических событий — в отличие от других современников, напрямую уподоблявших поход Олега и русско-турецкую войну 1828—1829 годов.

Пушкину было знакомо стихотворение Тютчева, напечатанное в 1829 году в «Галатее» (ч. 7, ценз. разрешение 22 августа):

«О наша крепость и оплот,
Великий бог, веди нас ныне,
Как некогда ты вел в пустыне
Свой избранный народ!»
«Аллах, пролей на нас свой свет!
Краса и сила православных,
Бог истинный, тебе нет равных,
Пророк твой — Магомед!»
Глухая полночь; все молчит!
Вдруг из-за туч луна сверкнула
И над вратами Истамбула
Зажгла Олегов щит!..¹²

Сходное упоминание Олегова щита Пушкин мог отметить и в стихотворении Хомякова «Андрианополь»:

...Луна уж гаснет, ночь сбегает,
Окрест встает развалин прах,
Восток цепями потрясает,
И скоро на золотых вратах

¹¹ В заметке о «Графе Нулине» Пушкин писал: «Я имею привычку на моих бумагах выставлять год и число. «Граф Нулин» писан 13 и 14 декабря. Бывают странные сближения» (XI, 183). Ср. также в «Путешествии в Арзрум»: «Полки наши пошли в Арзрум, и 27 июня, в годовщину полтавского сражения, в шесть часов вечера русское знамя развилось над арзрумской цитаделью» (VIII, 475). Подобному же сближению посвящено и стихотворение «Бородинская годовщина» (1831).

¹² В «Галатее» это стихотворение было напечатано по ошибке слитно с другим — «Видение». Впоследствии, в 1854 г., Тютчев напечатал его отдельно (в несколько измененной редакции), снабдив пушкинским названием «Олегов щит».

Это вызывало в памяти поэта спор с Рылеевым по поводу его строк—«Прибил свой щит с гербом России// К царьградским воротам»¹⁴.

Сближая напрямую Олеговы деяния с современными событиями и воспевая религиозную миссию России, несущую свет христианства в места, откуда оно некогда пришло на Русь, Тютчев и Хомяков допускали анахронизм гораздо более серьезный, нежели Рылеев. В самом деле, было бы странно представлять язычника Олега, утвердившего свой щит на вратах христианского Константинополя, вдохновителем победы России над мусульманским Стамбулом. Показательно, что в стихотворении Пушкина сосуществуют все три исторических названия города: — христианское — Константинополь («град Константина»), языческое — Царьград и мусульманское — Стамбул.

Отсюда, как надо полагать, кульминационный «сбой» в лирическом строе пушкинского стихотворения, образный параллелизм которого оказывается иррационально нарушенным.

Фантастическая тень Олега, которая принимает действительное участие в событиях современности, в высшей степени характерна для образной системы творчества Пушкина рубежа 1830-х годов. В это время его художественный метод, не изменяя своего основного реалистического качества, осложняется романтическими чертами. Трезвый исторический и социальный анализ действительности в произведениях Пушкина этих лет сочетается с осознанием невероятной сложности в чем-то ускользающего от рационального объяснения окружающего мира, с ощущением постоянного вторжения в сов-

¹³ Московский телеграф, 1829, ч 29, с 260. Стихотворение напечатано анонимно, с пометкой «Андреанополи, 8 августа 1829». Впоследствии оно Хомяковым не перепечатывалось и не включалось в собрания его сочинений, так как тема эта была повторена в стихотворении «Прощание с Андрианополем», впервые опубликованном в «Северных цветах» на 1830 г (СПб, 1829, ценз разрешение 20 декабря) вместе с пушкинским стихотворением «Олегов щит». Щит Олега вспоминается в связи с русско-турецкой войной В. Г. Телляковым в «Шестой фракийской элегии» (май 1829 г.) и Н. И. Надеждиным в «Вестнике Европы» (1830, № 2, с 146).

¹⁴ Рылеев К. Ф. Полн. собр. стихотворений Л, 1971, с 108.

ременность неисчерпанных в своих следствиях событий прошлого.

Романтические тенденции позднего творчества Пушкина уже отмечались в исследовательской литературе. Справедливо связывая изменение мироощущения Пушкина с потрясениями последекабристской эпохи, В. Э. Вацуро заметил странную особенность большинства воспоминаний о поэте той поры: «Львиная доля их посвящена суевериям Пушкина, предчувствиям и приметам, занимавшим этот ум, в иные эпохи столь светлый и практичный»¹⁵. Новое мироощущение подготавливало изменение художественного метода, вторжение в пушкинское творчество «романтической струи»¹⁶, «романтических признаков»¹⁷ и т. п. Очевидно, еще предстоит осмыслить это явление в целом, в общем контексте творческой эволюции Пушкина, обогащения его реалистического метода. Это позволит правильно истолковать многие пушкинские произведения конца 1820-х — начала 1830-х годов, за которыми закрепилось название «загадочных». Одним из первых в их ряду стоит стихотворение «Олегов щит».

¹⁵ Вацуро В. Э. Пушкин в сознании современников. — В кн.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. М., 1974, с. 16.

¹⁶ Фридман Н. В. Романтизм в творчестве А. С. Пушкина. М., 1980, с. 144.

¹⁷ Гукасова А. Г. Болдинский период в творчестве А. С. Пушкина. М., 1973, с. 255.

МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК А. С. ПУШКИНА
в с. Б. БОЛДИНО

Горьковский
ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет
им. Н. И. Лобачевского

*Б*ОЛДИНСКИЕ
ЧТЕНИЯ

Горький
Волго-Вятское книжное издательство
1981